

УДК 821

DOI 10.25205/978-5-6049863-1-8-78-82

Саго Юсуке

Московский государственный университет

Москва, Россия

satoyusuke1812@gmail.com

**ЛАФКАДИО ХЕРН И ЛЕВ ТОЛСТОЙ:
ПОЧЕМУ ОНИ ТАК ПО-РАЗНОМУ ВИДЯТ ЯПОНИЮ
И ЧТО ЭТО ПОДСКАЗЫВАЕТ?**

Аннотация: Сравнения между Лафкадио Херном и Л.Н. Толстым не проводились всерьез. Но эти современники испытывали большой интерес друг к другу, и, более того, в их мировоззрении было нечто общее. Интерес Л.Н. Толстого к Херну был вызван Цусимским сражением. Л.Н. Толстой внимательно прочитал книгу Херна «Япония: попытка интерпретации» (1904), чтобы понять причину поражения России и определить сущность японского народа. Однако, хотя Л.Н. Толстой и высоко оценил эту книгу, образ Японии в его представлении в некоторых отношениях был противоположным.

Ключевые слова: *Лафкадио Херн, Л.Н. Толстой, Япония*

ВВЕДЕНИЕ

До сих пор сравнения Л.Н. Толстого с Лафкадио Херном, ирландско-американским-японским писателем-японоведом, не проводилось всерьез. Однако эти современники испытывали большой интерес друг к другу, и, более того, в их мировоззрении есть нечто общее.

Интерес Л.Н. Толстого к Херну был вызван Цусимским сражением. Чтобы понять причину поражения России и определить сущность японского народа, Л.Н. Толстой внимательно прочитал книгу Херна «Япония: попытка интерпретации» и высоко оценил ее, хотя образ Японии у Л.Н. Толстого сложился в некоторых отношениях совсем иной.

Сравнение взглядов Херна и Л.Н. Толстого на Японию выявляет как их сходство, так и более глубокое различие. И там, где пересекаются их противоположные взгляды на Японию, можно разглядеть архетип японского общества и религии, а также их роковую «опасность». Херн и Л.Н. Толстой разделяли это опасение.

Взгляд ХЕРНА НА ЯПОНИЮ

По мнению Херна, для японцев души умерших предков реально пребывают в загробном мире, и, следуя их воле, живые несут ответственность за них на этом свете. Японцам «не положено опозорить честь своих предков» [«Некоторое размышление о культе предков»: 1. Т. 7, с. 467–497].

При этом Херн отмечает особенный коллективизм японцев. Они «растворяются» в сообществе, становясь органичным и многослойным единым целым: семьёй, деревней, регионом и целой страной. Император же олицетворяет и символизирует такое объединение, подкрепленное волей предков, и в этом смысле Микадо выполняет роль религиозного жреца.

Японцы «растворяются», потому что «душа» по их понятию является всего лишь преходящим явлением, в котором отражена индивидуальная карма человека. Душа может изменяться. Не меняется только изначальная духовная «природа Будды 佛性» [«Память о прежней жизни»: Л. 1. Т. 7, с. 433–459]. Кстати, душу имеют не только люди, но и разнообразные существа. Херн сравнивает эти души с каплями воды [«Одна капля воды»: Л. 1. Т. 11, с. 109–112].

«Несомненно, что в каждой из бесчисленного и неиссякаемого числа росинки, есть бесконечно малые различия в колебании их молекул и способности к отражению. Таким же образом, и в каждой из бесчисленного множества духовных частиц – душах, воспаривших из океана рождения и смерти, есть **бесконечно малые** черты» (*подчеркнуто Сато). Бесчисленные души-капли могут образовывать собой единое поле, но, в тоже время, у каждой из них есть уникальная вибрация. На вибрации каждой капли-души, подобно квантовой частице, по-своему отражается вся накопленная карма, то есть память всего космоса.

Как отмечает Макино Ёко, Херн не раз использует математический термин дифференциального исчисления «infinitesimal» (бесконечно малый). Эта мельчайшая вибрация может моментально превратиться в обратное, во что-то громадное, так как она связана со всей памятью космоса [Макино Ёко «Лафкадио Херн», Токио, 1992, с. 187–192].

Однажды Херн был поражен тем, как красиво пел его любимый сверчок (питомец) – «бесконечно малая душа (infinitesimal soul)»: так красиво, что «весь дом как бы резонировал». Позже выяснилось, что он «пел из последних сил, пожирая свои ноги и умирая, потому что служанка забыла его покормить... Когда умирает, исчезает «infinitesimal», рождается что-то громадное. Бог знает откуда». [«Сверчок»: Л. 1. Т. 11, с. 144–149]. Такое представление о душе приводит Херна к следующей мысли: «атом души в крошечной клетке и атом души внутри меня, всегда были одним и тем же в глубинах Моря бытия».

Херн отмечает, что лучшие представители японцев стремятся объединиться в некое универсальное космическое поле и тем самым преодолеть всевозможные противоречия и конфликты, возникающие из-за границ между отдельными «полями» (семьями, деревнями, регионами, странами). Жена Херна вспоминает слова мужа: «Я люблю настоящую Японию больше, чем сами японцы» [Танабэ Рюдзи «Коидзуми Якумо», Токио, 1914, с. 276].

Но в этих словах есть и оттенок сомнения в том, что образ «настоящей Японии» может быть достигнут в реальности. Он предчувствовал новый кризис Японии, которая, пережив риск колонизации и унижения, превращалась в военную державу. Теперь японцы, по словам Херна, все громче крича за «Японию для японцев», вскоре начнут войну. Он уверен, что никто и ничто не удерживает их от экспансии, потому что для большинства японцев высшее «поле» ограничивается только их империей. Мало кто преодолевает эту границу. А бесчисленные мертвые герои, павшие ради империи, безмолвно толкают живых [«Взглянув общую ситуацию»: Л. 1. Т. 7, с. 374].

Из сказанного очевидно, что мировоззрение Херна во многих отношениях похоже на Л.Н. Толстого (вспомним глобус, покрытый каплями, из сна Пьера). Неслучайно, что Херн с глубоким пониманием и уважением относился к Л.Н. Толстому. Известно также, что в Токийском университете он читал лекции по роману «Воскресение» и статье «Что такое искусство?».

Взгляд Л.Н. Толстого на Японию

Плод всей исследовательской деятельности Херна, книгу «Япония: попытка интерпретации» (1904), Л.Н. Толстой читал очень внимательно и оценил ее высоко, даже собирался поручить Маше, дочери, перевод на русский [Л.З, с. 383]. В то время Л.Н. Толстой, потрясенный Цусимским сражением, писал статью «Конец века», в которой размышлял о Японии и японцах, анализируя причины поражения.

До чтения Херна Л.Н. Толстой объяснял победу японцев, во-первых, их дикостью (они, дескать, являются «народом нехристианским, для которого высший идеал – отечество и геройство войны») и, во-вторых, тем, что осваивать научные технологии совсем не сложно [«Перенять их и даже дальше придумать ничего не стоит» (55, 140)].

Однако такой «высший идеал» имели и другие народы. Почему они не смогли так же быстро «перенять технологию»? Херн детально показал, что ключом к этой загадке является почитание японцами своих предков и их всенародное объединение в «поле-империю», прочно скрепленную этим почитанием. -«Л.Н.: Читаете *Hearn*? *Бутурлин*: Да. Л.Н.: Иезуиты в Японии и в Китае восторжествовали бы, если бы не восстали по приказанию папы против почитания предков» [Л. 3, с. 417–418]. «Японцы религиозны, но в их религии есть мщение, подчинение себя: у мужчин – харакири, у женщин – jigai (самоубийство)» [Л. 3, с. 427–428].

С точки зрения абсолютного ненасилия – это плохая религия, которая не смогла преодолеть насилия по отношению к ближнему и к себе. Это страшная религия, которая может консолидировать энергию всего народа, моментально освоить любые науки и технологии и организовать огромное насилие. Как видим, и Херн разделяет эти опасения. Именно поэтому он стремился к идеалу объединения всех существ в космическое поле без каких бы то ни было границ, которое преодолет индивидуализм Запада и бесконечную цепную реакцию насилий. И здесь позиция Херна близка к мысли Л.Н. Толстого.

Отличия взглядов Херна и Л.Н. Толстого на Японию

Тем не менее, их отношение к Японии было диаметрально противоположным, так как они по-разному смотрели на христианство и его цивилизацию. Для Херна разница между народами, расами и религиями была не существенна. Он уверен, что не только люди, но и всякие существа (даже «бесконечно малые») разделяют вечную единую жизнь – «море Рождения и Смерти». А Л.Н. Толстой, несмотря на некоторый либерализм, считал учение Христа высшей религией, ничем не заменимой. Победа же японцев, по его мнению, показала реальную возможность её уничтожения: «...угнетаемым христианами народам в Азии и Африке совсем не трудно, по примеру Японии, усвоив себе военную технику, которой мы так гордимся, не только освободиться, но и стереть с лица земли все христианские государства» [«Конец века» 36, 237]. Развитые сытые страны заменяются «дикими»

развивающимися странами, освоившими передовые технологии, – это, по Л.Н. Толстому, закон истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Л.Н. Толстой хотел преодолеть этот закон истории и «конец (христианского) века» толстовством. Но всё-таки стоит отметить и предел либерализма Л.Н. Толстого: он, «великий беглец», всю жизнь мечтая о «параллельных мирах» казаков, кавказцев, крестьян и проч., в конечном итоге остался в своем мире, «христианском» по-толстовски. И из этих рамок он старался разрешить различные неразрешимости: насилие, войну, дискриминацию... В этом отношении мысль Херна, может быть, более последовательна и красива, но реализуема ли она? Возможно, какую-то подсказку по этому вопросу даст наш современный «конец века».

Литература

1. The Writings of Lafcadio Hearn (16 volumes; Boston and New York, 1922), ed. by Elizabeth Bisland.
2. У Толстого 1904–1910: Яснополянские записки Д.П. Маковицкого. М., 1979. Т. 1.

Sato Yusuke

*Moscow State University
Moscow, Russian Federation
satoyusuke1812@gmail.com*

LAFCADIO HEARN AND LEO TOLSTOY: WHY DO THEY SEE JAPAN SO DIFFERENTLY AND WHAT DOES IT SUGGEST?

Abstract: Comparisons between Lafcadio Hearn and L.N. Tolstoy was not taken seriously. However, the two contemporaries had a great interest in each other, and moreover, there was something in common at the basis of their world-views. L.N. Tolstoy's interest in Hearn was caused by the shock of the Tsushima naval battle. L.N. Tolstoy carefully read Hearn's "Japan: An Attempt at Interpretation" (1904) to unravel the cause of Russia's defeat and determine the essence of the Japanese people. However, although L.N. Tolstoy praised this book highly, his image of Japan was in some respects the exact opposite of Hearn's.

Keywords: Lafcadio Hearn, L.N. Tolstoy, Japan